

звѣно этой цѣпи отдѣльныхъ стадій развитія, и мы сомнѣваемся, чтобы гр. Толстой *послѣ него* съумѣлъ выдумать *новаго* героя: за Левинымъ долженъ былъ *логически* вытекать или самъ нравственно перерожденный гр. Толстой («лучше поздно, чѣмъ никогда»), или опять *тотъ-же* Левинъ,—безъ конца,—Левинъ, лежащій на копнѣ и все говорящій: «...Ну, такъ какъ же я сдѣлаю это?» заставляющій васъ все думать, что вотъ—вотъ сейчасъ въ жизни его произойдетъ великій переломъ и всѣ высокія стремленія его осуществятся—но, взамѣнъ этого, продолжающій лишь лежать и лежать; Левинъ, увѣряющій, въ концѣ романа, что «жизнь его отнынѣ, независимо отъ того, что можетъ случиться съ нимъ, каждая минута ея не только не бессмысленна, какъ была прежде, но имѣетъ несомнѣнный смыслъ добра .» и т. д., но и это уже вы слышали раньше—и отъ Пьера, и отъ Оленина, и отъ кн. Андрея, и отъ Нехлюдова и отъ Иртеньева...

Но переворотъ, случившійся въ гр. Толстомъ, есть тоже нѣчто логически вытекающее изъ этой цѣпи, ея звѣно. Мы сказали, что этотъ переворотъ представляется намъ какъ разрывъ съ эстетическимъ воззрѣніемъ на жизнь,—но этого мало: онъ есть—разрывъ съ эстетическимъ воззрѣніемъ, *приведшимъ къ отчаянію*, изъ котораго оставалось два выхода: или самоубійство, или жизнь на новыхъ (этическихъ) началахъ... *) Изъ этого уже видно, какъ много опять таки и здѣсь личнаго, субъективнаго, житейскаго: переворотъ вызванъ вѣдь *невозможностью продолжать жить* въ прежнихъ условіяхъ («въ условіяхъ безумія Крапивенскаго 'мужика'»).

---

*) Въ своей «Исповѣди» гр. Толстой съ достаточною ясностью изобразилъ эту дилемму, описывая тѣ хитрости, которыя онъ долженъ былъ употреблять противъ соблазнительной легкости привести въ исполненіе мысль свою о самоубійствѣ.